

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи
песни.
Подонья дар.
Сборник 7**

А.В. Манин-Уралец
Казачьи песни.
Подонья дар. Сборник 7

<https://litres.ru/73988679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Казачьи песни «Подонья дар» - 7-й сборник, созданный в 2015 году в рамках деятельности общественной Академии истории и культуры российского казачества. В книге использованы стихи, вошедшие в эпическую поэму автора «Казачий Дон».

Содержание

Подонья дар	4
У гарнушки	7
На Масленицу	9
Пусть...	12
Москва и Подонье	15
Казак уездный	19
Самый стойкий	23
Бунты и «Ура!»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А.В. Манин-Уралец

Казачьи песни.

Подонья дар. Сборник 7

Подонья дар

Много казакам дал край их броский:
Многое Подонье подало.
И в разряд Воронеж-Белгородский
С людом «по прибору» сел в седло.
«Четвериков» хлеб теперь в Подонье
Сеяли - налогом — казаки.
Кроме пушкарей, драгун «в приборе»
И затынщиков — «воротники».
Бремя полоняничных налогов -
Выкупать плененных у врагов,
И ямских — чтоб больше на дорогах
Было почты, денег для подков.

И ямских — чтоб больше на дорогах
Было почты, денег для подков.

Крепостных в Воронежском уезде

Было мало – тысяча дворов.
И бежали к казакам, в надежде,
Что найдут и пищу здесь, и кров.
Лишь посадских было здесь полтыщи,
Чья мошна звенела серебром.
Но как пришел Разин, тыщи низших
Встали с ним, разбойным. С топором.
Но разбой казак в душе не любит,
Сдали казаки его властям;
И четвертовали душегуба;
И досталось также казакам.

И четвертовали душегуба;
И досталось также казакам.

Ох, и погулял царев служилка
И Каспийска озера корсар,
Он же атаман, «Степан-разинька»,
Что дал изрубить себя в кошмар.
Не сумел всем счастья обеспечить.
Ой, не много ль взял ты, атаман?!
Но в любых годинах в Донскоречье
С Верхнеречьем варится дурман -
Счастья, пусть не каждый день, да с Богом
И где лишь любовь и сытный стол.
Так бывает, что каким-то годом

Изобилья кроет частокол.

Так бывает, что каким-то годом
Изобилья кроет частокол...

У гарнушки

Струны крепчаются деками,
Струны небес – с края в край.
Станут арбузы нардеками,
Будет с вареньем и чай.
В гарнушках летних колдуется
Круг чугуна в стороне;
Пусть то барно покрасуется,
Пусть печь открыта в огне.

Пусть то барно покрасуется,
Пусть печь открыта в огне.

Каша и щи, все казацкое;
Тихо томится и взвар.
Тихо глядит ночь сарматская,
Тихо летит вздох хазар.
И молоко в печи топится,
Хлеб в середине печи;
Гарнушке так в небо хочется,
А тут на месте топчи!..

Гарнушке так в небо хочется,
А тут на месте топчи!..

И потому здесь хозяйюшки
Шлют ей поклоны свои:
Ну, потерпи еще, гарнушка,
Так вкусны хлебцы твои!
Яма – ледник – возле праздника,
Мясо там, жирный каймак.
И на арбе едет с ярмарки
С добрым гостинцем казак.

И на арбе едет с ярмарки
С добрым гостинцем казак.

С добрым гостинцем казак.

На Масленицу

Хлопоты маслениц шумные,
Больше недели гульба:
Кончилась зимушка шубная,
Заигрыш нынче, базга.
В пятницу сбор на гуляние
Где атаманов курень,
И угощение пьяное,
И наставлений - под всклень.

И угощение пьяное,
И наставлений - под всклень.

Будут желать семьям радости,
Воли и чести стяжать.
Ряжены кони. Не в тамости -
Только кому лишь рожать.
А остальным – воля вольная,
Пироги с рыбой, с икрой.
Заигрыш кончится - во поле
Новой займутся игрой.

Заигрыш кончится - во поле
Новой займутся игрой.

Заигрыш кончится - во поле
Новой займутся игрой.

Ну, а надясь – примирение
Тещи с зятьком – на любовь;
Снимут на время сомнение
Также сноха и свекровь.

Ну, а надясь еще, в среду-то,
Ешьте и пейте во сласть.
«Любо!» казачкое, крепкое,
Только б хмельным не упасть!

«Любо!» казачкое, крепкое,
Только б хмельным не упасть!

Ну, а надясь, то есть вторником
Пляски, гармонистов резвон;
Ну, а надясь - речь с толковником:
Разных гостей полон дом.
А впереди, по субботе-то,
Вновь посиделок не счесть.
А в воскресенье – почтою

А в воскресенье - почтою
С неба всем Красная Весть:

Бог любит вольность казацкую,
Где хранят честь и любовь,
Где дружат дружбою братскою,
Где льют за Родину кровь.
Хлебным амбарам обещано, -
Под троеперстную гроздь, -
Чтобы в гумнах на Донеvince
Любо, в достатке жилось.

Чтобы в гумнах на Донеvince
Любо, в достатке жилось.

Любо, в достатке жилось.

Пусть...

Пусть и подзорник свалается:
Вновь кружева шить и шить -
Жизнь казака не кончается,
Если в любви ему жить.
И над комодом пусть зеркало,
Светится ладом с семьей,
Чтобы ни что не каверкало
Быт куреня золотой.

Чтобы ни что не каверкало
Быт куреня золотой.

И пусть саман мирно сушится,
И пусть кизяк топит печь,
И конь лихой пусть не тупится,
Надо с ним дружбу беречь!
Пусть конопляны куширики
Треплют и бьют на току;
Пакля, канаты и чирики,
Масло в чугуны и в муку...

Пакля, канаты и чирики,
Масло в чугуны и в муку...

И пусть бахчи в степи ширятся,
И пусть цветут камыши;
Пусть зятя с тещами мирятся,
Снохи пекут каныши.
Сладки ватрушки нардечные,
Кажется сладкой щерба;
В духе укропном сердечные
Пусть произносят слова.

В духе укропном сердечные
Пусть произносят слова.

Пусть и «кандер» в сале жареном,
В супе с картошкой, пшеном,
Как и в веках, будет дареным
Небом казацким, трудом.
Каша и щи - все казацкое;
Тихо томится и взвар.
Тихо глядит ночь сарматская,
Тихо летит вздох хазар.

Тихо глядит ночь сарматская,
Тихо летит вздох хазар.

Славься, донское казачество,

Солнце, неси свою весть:
На небесах обозначилась
В звездах казачая честь:
Крест там Святого Егория,
Точно над Доном стоит:
Реку хранит, степь и взгория
И весь казацкий гранит.

Реку хранит, степь и взгория
И весь казацкий гранит.

Москва и Подонье

Да, Москва в Подонье укреплялась;
В крепости Воронежской взвилась
Башенка - «Московская» прозвалась;
Да «Глухой» угольная звалась.
Воевод Москва немало слала.
Казаки всё жалились Москве.
Вот пришел указ: пора настала
Флот великий строить на реке.

Вот пришел указ: пора настала
Флот великий строить на реке.

На реке Воронеж гавань роют,
Места не нашли тому милей.
Атаман Петров здесь начал строить
Царскую эскадру кораблей.
Корабелыцы Яковлев, Кирилов -
Первые России мастера.
И Подонье Дон весь покорило –
Сотни парусов несли ветра.

И Подонье Дон весь покорило –
Сотни парусов несли ветра.

И морской устав стал казаками
Чтиться, словно войск един устав.
И с Днепропетровскими полками
Шли в поход к Стамбулу, на Кавказ.
К Трапезунду шли и шли к Синопу,
С пушками на стругах-дубасах.
В злобе изумленная Европа
Ключья рвала в длинных волосах.

В злобе изумленная Европа
Ключья рвала в длинных волосах.

Ну, а казаки, налево чубы,
Шаровары, в поясе – кушак:
Все сплавливали в Дон большие струги,
Сотни их текли в единый шаг.
А весной, в большое половодье,
Шли суда - по двадцать пушек в них;
Барки шли, коломенки и лодьи,
Черный бот, дощатик и плотик.

Барки шли, коломенки и лодьи,
Черный бот, дощатик и плотик.

И в «Дневные грамоты» вносили,

И в писцов воронежский реестр -
Сколь премного в верфях сотворили.
Бог не выдаст – и свинья не съест!
Что для казака «кабанье рыло»?
Всякого мурла видала Русь.
Казаки с Ельца, Орла, Путивля,
Наводили на Европу грусть.

Казаки с Ельца, Орла, Путивля,
Наводили на Европу грусть.

Столько напускали в воду «грузел»,
Что подняли уровень моря.
И связал Воронеж прочный узел,
Где бросали люди якоря.
Ширился казачий род. Зажмурил
Со страху глаза конклав врагов.
И сквозь Семиречье до Амура
Шел казак с донецких берегов!

И сквозь Семиречье до Амура
Шел казак с донецких берегов!

Петр ценил Воронежа старанье,
Флот там всероссийский укреплял.
Да, пришло России строить зданье -

То, что мир во веки не видал.

Да, пришло России строить зданье -
То, что мир во веки не видал.

То, что мир во веки не видал.

Казак уездный

Петр в систему абсолюта
Ввел род войск – где казаки
Стали главными, как будто,
Хоть главней всего – штыки.
На губернии поделен
Весь России чернозем.
Дон – провинция. Уверен
Как всегда, в казаках Дон.

Как всегда, в казаках Дон.

Стал Азов гвоздем губернским,
А в провинции Елец
И Тамбов, его деревни,
Шацк и Бахмутск, наконец.
И донской казак – уездный,
Этим горд всегда казак:
От того Руси железный,
Им поддержанный, кулак!

Им поддержанный, кулак!

Вот столица - и Воронеж!

Петр решил: его указ.
Крепостей его не тронешь.
Но пришло и то как раз:
Города, что крепостили
К югу от святой Москвы,
В села быстро превратили,
Те же – просто в городки.

Те же – просто в городки.

И уездными назвались,
Статус крепостей гнобя.
А границы расширялись,
Вглубь – воронежцев земля.
(И давай судить-рядиться:
Край Подонья – казаков?..
Ничему не научиться
Тем, кто в прошлом никаков!

Тем, кто в прошлом никаков!

Здесь - копейщики, рейтары,
Здесь драгуны, край солдат!
Про Воронеж – тары-бары:
Что не зная, - говорят!
Не в Войске Донском казаки,

Что в Воронеже взошли...
Ни в одном указе «папы»
Мы такого не нашли....

Мы такого не нашли....

«Не казачество» - Подонье,
Край тюрко-славянский он,
Здесь «асфальтовы» казаки,
«Ряженные»... Плачет Дон!
Как не плакать, не смеяться:
Первородство налицо:
Как воронежцам подраться -
Многим – и заподлицо!

Многим – и заподлицо!

Казаки с истоков Дона -
До «битюгских ухажей»;
То истории знакомо,
Кто не чтит ее – взашей!
И кто казаков не русским
Племенем Руси зовет -
Тоже случай тяжкий, грустный.
Ныне мир – наоборот?!

Тоже случай тяжкий, грустный.
Ныне мир – наоборот?!

Ныне мир – наоборот!

Самый стойкий

Было в Екатеринбурге
На казачьем съезде так:
«Наиболее абсурдно,
Что не русский сын казак!
Он морально самый стойкий,
Энергичнее других,
Предприимчив. Опыт горький
Он копил веками битв!

Предприимчив. Опыт горький
Он копил веками битв!

Это – русский, с богатырской
Силой и красив лицом.
Он с душою монастырской,
Церковь с золотым венцом!»
И державность укрепляли,
Хоть без воли – никуда.
Слово дали – и держали,
Подавляли и бунты...

Слово дали – и держали,
Подавляли и бунты!..

Бунты и «Ура!»

Астраханский бунт помяли.
И в Царицыно кипень.
И срелецкий бунт, где клали
Стрельцы головы на пень.
Казакам монарх клейнодов
Велел сделать – отдал честь:
В серебре пернач народа
Казаков (он русский есть).
На нем – камни, позолота,
В литом яблоке бунчук,
Трубкой с плавным поворотом,
С табаком – трясется чуб!

Трубкой с плавным поворотом,
С табаком – трясется чуб!

Знамя также, цвет в нем крови;
Все, что быть должно – при нем
Также вышито с любовью,
Ткано золотым тканьём.
Шесть других станичных стягов –
По военному – знамен;
И на каждый круг парадный

«Любо!» вторил в небо Дон.
«Любо!» - небо отзывалось,
И присяга вверх неслась,
В сердце гордо отдавалось,
А душа в поход рвалась.

В сердце гордо отдавалось,
А душа в поход рвалась.

В тридцать тысяч Дон казачий
И сто тридцать городков:
Старожилыцы, дальше значил –
Кто в азовский шел поход.
И еще – новоприходцы,
Этих Петр выселял.
Остальные – будто флотцы,
Кто России флот рождал.
Там воронежцы, костенцы,
Там землянцы, добренцы,
Там усмань, коротоякцы,
Урывчане, острожцы.
Лебедянцы и орловцы,
Там козловцы и олышань,
Там еще белоколодцы
Остальные – шелупань,

Там еще белоколотцы
Остальные – шелупань.

Корабельная повинность –
Всех касалась на Дону:
«Посошной еще гнул спину
Да дворцовый. Вот те-ну!..
И помещичьи, и всяки
Не женаты – бобыли.
Казаком был иль казаком –
Слезы горькие текли.

Казаком был иль казаком –
Слезы горькие текли.

Не явился на работу –
Ты нечетчик: кнут, батог,
Кто на дыбу нагородит,
Кто бежит в иной чертог.
Провинившихся – на струги
И на весла – вечно гресть».
«Господи, каким уж кругом!
Бог на свете, братья, есть?!...»

«Ну, и пусть каким уж кругом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.